

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Вводная	6
Глава 2. Контаминация инстинктов в примитивной технологии.	43
Глава 3. Дикарское состояние промышленного искусства	106
Глава 4. Технология хищнической культуры	141
Глава 5. Право собственности и конкурентная система. . .	189
Глава 6. Эпоха ремесла	231
Глава 7. Машинное производство	295

Глава 1

Вводная

Для человека, как и для других высших животных, жизнь вида обусловлена набором инстинктивных склонностей и тропизматических¹ способностей, которыми вид, как правило, наделен. Не только дальнейшая жизнь вида зависит от адекватности его инстинктивных склонностей, но и рутина и детали его жизни в конечном счете также определяются этими инстинктами. Они являются главной движущей силой как в человеческом поведении, так и в поведении всех тех животных, которые проявляют самостоятельность или осмотрительность. Человеческая деятельность в той мере, в какой о ней можно говорить как о поведении, никогда не может выйти за рамки этих инстинктивных предрасположенностей, по инициативе которых человек предпринимает действия. Ничто, кроме того, что отвечает этим врожденным склонностям человека, не входит в человеческую схему вещей, которые желательно сделать. Только эти врожденные склонности делают что-либо имеющим смысл, и из их работы вытекают не только цель и эффективность жизни, но и ее существенные удовольствия и боль.

¹ Тропизм — произвольная реакция клетки на внешний раздражитель и рост организма относительно него. — *Примеч. пер.*

В последнее время термины «инстинкт» и «инстинктивный» больше не встречаются среди специалистов тех биологических наук, в которых они когда-то пользовались большой популярностью. Специалисты, занимающиеся психологией поведения животных, старательно избегают этих понятий, и в этой осторожности они, несомненно, правы. Для такого использования эти слова, похоже, больше не подходят в качестве технических терминов. Они утратили необходимую четкость определения и последовательность коннотации, очевидно, в результате распада под более тщательным анализом, чем тот, которому ранее подвергались явления, входящие в эти понятия. В таких биологических науках интерес сосредоточен не на вопросе о том, какие действия могут быть обусловлены врожденными склонностями или предрасположенностью вообще, а скорее на определении несводимых психологических и, более того, физиологических элементов, из которых складывается поведение животных. Для этой цели «инстинкт» — понятие, имеющее слишком слабое и шаткое определение, чтобы отвечать требованиям точной биологической науки.

Для наук, занимающихся психологией человеческого поведения, несомненно, желателен такой же поисковый анализ элементарных фактов поведения; и при таком более тщательном изучении этих фактов, несомненно, окажется, что и здесь широкое понятие «инстинкт» имеет слишком неточный характер, чтобы служить потребностям исчерпывающего психологического анализа. Но потребности исследования природы и причин роста институтов не совсем такие же, как потребности такого психологического анализа. Генетическое исследование институтов касается роста привычек и обычаев, обусловленных материальной средой, а также врожденными и постоянными склонностями человеческой природы; и для этих склонностей, проявляющихся в процессе культурно-

го роста, нет лучшего обозначения, чем избитое временем понятие «инстинкт».

В свете последних исследований и предположений вряд ли стоит сомневаться в том, что каждая из этих различных склонностей может быть проанализирована на основе анализа более простых составных элементов квазитропизматической² или физиологической природы³; но с учетом повседневного опыта и общеизвестности не вызывает сомнений и то, что эти простые и неоспоримые психологические элементы человеческого поведения делятся на составные функциональные группы и, таким образом, образуют специфические и детерминированные склонности, предпочтения, способности, которые в рамках социальных наук должны рассматриваться как безусловные черты человеческой природы. Действительно, выходит, что именно в конкретном группировании и объединении этих конечных психологических элементов в характерные линии интересов и склонностей можно окончательно отличить природу человека от природы низших животных.

Эти различные врожденные склонности, классифицированные как «инстинкты», имеют общую характеристику: все они вместе и каждая в отдельности, более или менее императивно, предполагают объективную завершенность действия. С другой стороны, что отличает один инстинкт от другого? Каждый из них устанавливает отличные от объективной цели любого другого инстинкта, характерные цель, задачу или объект, которые должны быть достигнуты. Инстинктивное действие телеологично⁴, осознанно,

² Автор имеет в виду тропизм в соционике, изменение поведения живого организма. — *Примеч. пер.*

³ Ср.: *Loeb J. Comparative Physiology of the Brain and Comparative Psychology. New York, 1900. Ch. I.*

⁴ Телеологично — направлено на определенную цель. Телеология — онтологическое учение об объяснении развития в мире с помощью конечных, целевых причин. — *Примеч. пер.*

и данные масштаб и цель каждой инстинктивной склонности характерно отличаются от всех остальных. Несколько инстинктов являются телеологическими категориями, в разговорном обиходе их различают и классифицируют на основании их целенаправленности. Поэтому, учитывая, как этот термин используется здесь и как он понимается в настоящее время, инстинкты не должны определяться или описываться ни в механических терминах тех анатомических или физиологических способностей, которые казуально лежат в их основе или вступают в действие при функционировании любого данного инстинкта, ни в терминах движений ориентации или таксиса⁵, участвующих в функционировании каждого из них. Отличительная черта, по которой идентифицируется любой данный инстинкт, обнаруживается в особом характере цели, к которой он побуждает⁶. Инстинкт, в отличие от тропизматического действия, предполагает сознание и приспособление к цели, на которую он направлен.

Разумеется, здесь ставится цель не установить или предписать определение понятия «инстинкт» в целом, а только указать, насколько возможно, какой смысл вкладывается в этот термин, как он здесь используется. В то же время считается, что определение понятия не вредит ни разговорному употреблению, ни употреблению специалистами, которые использовали этот термин в научных дискуссиях, особенно в обсуждении инстинктивных склон-

⁵ Таксис — двигательные реакции в ответ на односторонне действующий стимул, свойственные свободно передвигающимся организмам, некоторым клеткам и органоидам. — *Примеч. пер.*

⁶ Ср.: *James W. The Principles of Psychology. New York, 1890. Ch. XXIV, XXV* (здесь, однако, разница между тропизмом и инстинктом не очень хорошо прослеживается, — тропизмы в то время не подвергались исследованию и определению, как это происходит с тех пор); *McDougall W. Introduction to Social Psychology. London, 1908. Ch. I.*

ностей человека. Однако не следует забывать, что данное определение может оказаться непригодным или, по крайней мере, сомнительным в применении к тем более простым и непосредственным импульсам, о которых иногда по традиции говорят как об «инстинктивных», даже в человеческом поведении, — импульсам, которые с большим успехом можно было бы назвать «тропизматическими». В отношении поведения животных, например, а также таких прямых и непосредственных импульсивных действий человека, которые справедливо относить к животному поведению, часто возникает некоторое недоумение по поводу проведения границы между тропизматической активностью и инстинктом. Известно, что действия, обычно признаваемые инстинктивными, сильно различаются между собой по степени прямоты или непосредственности, с которой происходит данный ответ на стимул. В этом отношении они варьируются от таких реакций, которые трудно отличить от простого рефлексорного действия, с одной стороны, до таких, которые сложно признать инстинктивными из-за степени размышления и обдумывания при их выполнении, с другой стороны. Путем неощутимой градации низшие (менее сложные и обдуманные) инстинктивные действия сливаются в класс явных тропизматических чувствительностей, без возможности определить с помощью какого-либо надежного теста, где должна заканчиваться одна категория и начинаться другая⁷. Такая квазитропизматическая деятельность может быть оценена наблюдателем как целенаправленная в том смысле, что она способствует жизни отдельного индивида или вида, хотя у наблюдаемого индивида нет осознания цели; тогда как «инстинкт» в более узком и специальном смысле, которым, по-видимому, желательно ограничить этот термин для настоящего использования, обозначает

⁷ Ср.: *Loeb J. Comparative Physiology...* P. 177–178.

сознательное преследование объективной цели, которую данный инстинкт делает стоящей.

Итак, цели жизни, цели, которые должны быть достигнуты, определяются инстинктивными склонностями человека. Но пути и средства достижения тех вещей, которые инстинктивные склонности делают имеющими смысл, являются делом интеллекта. Отличительной чертой человечества является то, что работа над инстинктивными склонностями расы направляется интеллектом в такой степени, к которой и не приближаются другие животные. Но зависимость расы от инстинктов не менее безусловна для вмешательства интеллекта, поскольку только благодаря побуждению инстинкта размышление и обдумывание становятся широко используемыми и поскольку инстинкт также регулирует объем и средства интеллекта во всем его использовании. Люди думают, но человеческий дух, то есть расовая одаренность инстинктивными склонностями, решает, о чем они должны думать, как и для чего.

Однако зависимость схемы жизни от совокупности инстинктивных склонностей становится менее непосредственной, поскольку между инстинктивно заданной целью и ее реализацией возникает более или менее расширенная логика путей и средств, а линии связи между любой инстинктивной склонностью и любой особенностью человеческого поведения становятся тем более извилистыми и кружными, чем труднее их проследить. Чем выше степень интеллекта и чем больше объем знаний, имеющихся в распоряжении данной группы, тем более обширной и продуманной будет логика путей и средств, проложенных между этими импульсами и их реализацией, и тем более многогранным и сложным будет аппарат целесообразностей и ресурсов, используемых для достижения тех целей, которые инстинктивно заслуживают внимания.

Этот аппарат путей и средств, доступных для достижения того, к чему стоит стремиться, по сути, является традицией прошлого, наследием привычек мышления, накопленных опытом прошлых поколений. Таким образом, способ и в значительной степени мера, в которой инстинктивные цели жизни реализуются в любой данной культурной ситуации, во многом обусловлены такими элементами привычки, которые складываются в принятую схему жизни. Инстинктивные склонности по сути своей просты и направлены непосредственно на достижение какой-то конкретной цели. Но в деталях цели, к которым стремятся, многочисленны и разнообразны, а пути и средства, с помощью которых их можно достичь, столь же разнообразны и различны. Это предполагает бесконечное обращение к целесообразности, адаптации и уступчивому согласованию между несколькими склонностями, все из которых достаточно насущны.

Под воздействием привыкания эта логика и аппарат способов и средств укладываются в общепринятые рамки, приобретают последовательность обычая, предписания и таким образом — институциональный характер и силу. Привычные способы действия и мышления не только становятся привычным делом, простым и очевидным, но и санкционируются общественным соглашением, становятся правильными и должными, порождая принципы поведения. В результате их использования и обретения привычки они включаются в существующую схему здравого смысла. Как элементы утвержденной схемы поведения, эти традиционные пути и средства занимают свое место в качестве ближайших целей деятельности. В дальнейшем, в процессе постоянного привыкания, когда внимание привычно сосредоточено на этих ближайших целях, они занимают интерес до такой степени, что обычно отбрасывают свою собственную скрытую цель на задний план и часто позволяют потерять ее из виду, как это мо-

жет произойти, например, при приобретении и использовании денег. Отсюда следует, что во многом в человеческом сознании как объект интереса и цель усилий присутствуют только эти ближайшие цели, а определенные конвенционально принятые пути и средства устанавливаются как окончательные принципы того, что является правильным и хорошим. В то же время скрытая цель всего этого вспоминается лишь изредка (если вообще вспоминается), в последнюю очередь, в результате рефлексии⁸.

Среди психологов, занимавшихся этими вопросами, до сих пор не было большого согласия относительно количества специфических инстинктивных склонностей, присущих человеку; нет согласия и относительно точного функционального диапазона и содержания, приписываемых каждой из них. По-видимому, считается само собой разумеющимся, что эти инстинкты следует рассматривать как отдельные и специфические элементы человеческой природы, каждый из которых вырабатывает свое собственное функциональное содержание, не смешиваясь в значительной степени со своими соседями в духовном комплексе, в который они все входят как составные элементы⁹. Для целей исчерпывающего психологического анализа, несомненно, целесообразно максимально использовать такую дискретность¹⁰, которая наблюдается среди инстинктивных склонностей. Но для исследования масштабов и методов их проработки в росте институтов, возможно, еще важнее обратить внимание на то, как и с каким эффектом несколько инстинктивных склонностей

⁸ Ср.: *Wallas G. Human Nature in Politics. London, 1908. Особенно Ch. I.*

⁹ Ср., например: *James W. The Principles of Psychology. Ch. XXIV; McDougall W. Introduction to Social Psychology. Ch. III.*

¹⁰ Дискретность — прерывность, противоположность непрерывности. — *Примеч. пер.*

пересекаются, смешиваются, накладываются, нейтрализуют или усиливают друг друга.

Наиболее убедительный генетический взгляд на эти явления ставит инстинктивные склонности в тесную связь с тропизматической чувствительностью и относит их в физиологическом отношении к одному общему классу¹¹. Если воспринимать эту точку зрения не критически и в общих чертах, то она, по-видимому, подразумевает, что инстинкты должны быть дискретными и прерывистыми между собой в той же мере, что и тропизматические чувствительности, с которыми они в значительной степени связаны. Но при более тщательном рассмотрении такая генетическая теория инстинктов, похоже, не подкрепляет точку зрения, согласно которой они должны быть задуманы как фактически прерывные или взаимоисключающие, хотя эта теория также может не подразумевать обратного, — что они составляют непрерывное или неоднозначно сегментированное тело духовных элементов. Признанные тропизмы выделяются, по всей видимости, как четко определенные физиологические черты, передающиеся по наследству интактно¹², в немодифицированном виде, отделимые и несмешанные, в манере, напоминающей «единичные характеры», о которых говорится в современных теориях наследственности¹³.

¹¹ Ср.: *Loeb J. Comparative Physiology...* Особенно Ch. XIII.

¹² Интактно — нетронуту, неизменно. — *Примеч. пер.*

¹³ Разумеется, только в качестве физиологических признаков тропизмы не должны пересекаться, смешиваться или мешать друг другу, и точно так же только в отношении их физиологического разрыва аналогичный аргумент применим к инстинктам. В отношении их выражения, в виде ориентации, движения, роста, секреции и т.д., тропизматическая реакция на различные стимулы часто настолько очевидно идентична, что эксперты порой оказывались в растерянности, решая, к какой из двух или нескольких признанных тропизматических чувствительностей следует отнести данную двигательную реакцию. Но в отношении их конечного физи-

Хотя инстинктивные чувства не могут быть объяснены как производные тропизмов, в их работе достаточно сходства, чтобы предположить, что эти два класса явлений должны быть объяснены на сходных физиологических основаниях. Простые и более узко определенные инстинктивные предрасположенности, которые во многом напоминают немедленное рефлекторное нервное действие и автоматически определенный ответ, вполне поддаются такой интерпретации, — например, стайный инстинкт или инстинкт отталкивания с сопутствующей ему эмоцией отворачивания. Такие инстинкты человечество разделяет с другими высшими животными на довольно равных основаниях; эти инстинкты относительно просты, непосредственны, их нелегко изменить или компенсировать привычкой. Очевидно, что они имеют ту же природу, что и тропизматические чувства; хотя даже в этих более простых инстинктивных предрасположенностях характерная квазитропизматическая чувствительность, присущая каждой из них, кажется осложненной неясными стимулами нервных центров, возникающими в результате функционирования тех или иных висцеральных органов. И то, что верно в этом отношении для более простых инстинктов, должно быть применимо и к более неопределенным и сложным инстинктам, но с большим принятием во внимание висцеральных и органических стимулов для более значительного усложнения.

Вопрос о том, следует ли рассматривать эти подсознательные стимулы нервных центров через функционирование висцеральной системы в понимании тропизматической реакции, является сложным вопросом, которому до

ологического характера, интимного физиологического процесса, посредством которого данная чувствительность вступает в действие, реакция, вызванная различными тропизматическими чувствительностями, в каждом случае оказывается отличительной и не смешивается с любой другой реакцией на другой стимул, с которым она может синхронизироваться.

сих пор уделялось мало внимания. Но в любом случае, что бы ни говорили по этому поводу специалисты, изучающие эти явления, висцеральных или органических стимулов, задействованных в любой из инстинктивных чувствительностей, очевидно, всегда больше, чем один, и обычно они сложно устроены. Хотя на первый взгляд легко отнести любой из простых инстинктов непосредственно к определенному органу как к основному или первичному источнику, из которого соответствующая стимуляция поступает в нервные центры, отнюдь не легко определить, какой из органов висцеральной системы или других органов, которые обычно не классифицируются как висцеральные, наоборот, не будет играть никакой роли в этом деле.

Из этого следует, что на физиологических основаниях общий ряд человеческих инстинктов не следует рассматривать как дискретные¹⁴ и элементарные склонности. Одни и те же физиологические процессы в какой-то мере, хотя и в разных пропорциях, участвуют в функционировании каждого из них. В инстинктивной деятельности индивид существует как единое целое, и в поведении, которое возникает под воздействием движущей силы этих инстинктивных предрасположенностей, роль, которую играет каждый отдельный инстинкт, является вопросом большей или меньшей, а не исключительной направленности. Поэтому инстинкты должны беспрестанно соприкасаться, смешиваться, вторгаться и накладываться друг на друга, они не могут восприниматься действующими по отдельности и независимо друг от друга. В связи с этим отношения «давать — брать» между несколькими инстинктивными склонностями — сращивание, смешивание и противоположные цели — предположительно, более слабы и менее значимы для простых и, судя по всему, тропизматических импульсов. С другой стороны, менее

¹⁴ Раздельные. — *Примеч. пер.*

специфические и неопределенные инстинктивные предрасположенности, такие как родительский инстинкт или склонность к созиданию или приобретению, будут настолько всеобъемлюще и органично связаны между собой в паутине взаимосвязи и взаимозависимости — будут так неустанно смешиваться, смещать или подкреплять друг друга, и у каждого из них будет такой большой и в то же время такой подвижный запас общности со всеми остальными, — что едва ли можно провести между ними жесткие разграничивающие линии. Лучшее, что можно получить в качестве надежного определения, — это описательная характеристика каждой отличительной склонности вместе с указанием существенных, вытекающих из этого последствий, посредством которых каждая «загрязняет» или сама «загрязняется» другими из комплекса склонностей, образующих духовную природу расы. Таким образом, схемы определения, которые были разработаны до сих пор, в значительной степени должны быть приняты как меры удобства, пригодные для текущего использования, а не как различия, навязанные во всех пунктах одинаково резкой существенной дискретностью фактов¹⁵.

Тот факт, что в какой-то мере несколько инстинктов проистекают из общей основы разумной жизни, что каждый из них задействует индивида в целом, приводит к серьезным последствиям в области привычки и поэтому имеет большое значение для роста цивилизации и повседневного ведения дел. Физиологический аппарат, задействованный в функционировании любого данного инстинкта, частично, хотя и в разной степени, участвует в работе некоторых или любых других инстинктов; таким образом, даже на одних только физиологических основаниях привыкание, затрагивающее функционирование любого данного инстинкта, должно в меньшей степени, но

¹⁵ Ср., например: *McDougall W. Introduction to Social Psychology. Ch. I–III.*

повсеместно влиять на привычное поведение того же индивида, когда им движет любой другой инстинкт. С этой точки зрения, сфера действия привычки, в той мере, в какой она влияет на инстинктивную деятельность, обязательно шире, чем конкретная линия поведения, которой обусловлена данная привычка.

Инстинкты — это наследственные черты. В современных теориях наследственности они, предположительно, считались бы вторичными характеристиками вида как в некотором смысле побочные продукты физиологической деятельности, которая придает виду его специфический характер. Это связано с тем, что такие теории в конечном счете оперируют физиологическими терминами. Таким образом, инстинктивные предрасположенности вряд ли можно считать единичными признаками в менделевском¹⁶ смысле, а скорее можно считать духовными чертами, возникающими из определенного совпадения физиологических единичных признаков, которым вид или индивидуум может быть обязан своим характером, и изменяющимися в зависимости от различий в их составе. Отсюда возникли бы вариации индивидуальности среди представителей расы, опирающиеся, как только что было предложено, на различную наделенность инстинктами и восходящие через них к глубоким различиям физиологических функций. Некий подобный рассказ об инстинктивных предрасположенностях и их связи с физическим индивидуумом кажется необходимым как средство понимания их работы и непосредственно инстинктов, без допущения полного разрыва между материальными и нематериальными явлениями жизни.

¹⁶ Грегор Иоганн Мендель (1822–1884) — австрийский ученый, основоположник учения о наследственности. — *Примеч. пер.*

Для расы характерны степень неопределенности или обобщенности, отсутствие автоматически детерминированной реакции, отсутствие конкретной событийности, как это можно назвать, в общем ряду человеческих инстинктов. Этот неопределенный и изменчивый характер инстинктов или, скорее, привычной реакции на их возбуждение следует рассматривать в связи с широтой и изменчивостью их физиологической основы, о которой говорилось выше. Для долгосрочного успешного развития расы это, безусловно, имеет наибольшую ценность, поскольку оставляет широкое и легкое поле для экспериментов, привыкания, созидания и приспособления, открытое для ощущения мастерства. В то же время и в силу тех же обстоятельств рамки и диапазон конвенциональности¹⁷ и совершенствования столь же гибки, широки и последовательны. Несомненно, некоторые из расовых групп в этом отношении весьма существенно различаются.

Дополнение инстинктивных предрасположенностей, подразумевающее под этим термином как врожденную склонность, так и соответствующие чувства, составляет то, что можно назвать «духовной природой» человека, — часто о ней говорят просто как о «человеческой природе». Не позволяя ему означать что-либо вроде дуализма или дихотомии¹⁸ между материальными и нематериальными явлениями, термин «духовный» удобно использовать в разговорном смысле. Такое употребление не обязывает к дискуссии о каком-либо отношении к вопросу о едином или двойном устройстве человека, а просто позволяет использовать общепринятое понятие для названия той совокупности целей, которую это понятие обозначает.

¹⁷ «Конвенциональность» — термин, употребляемый в культурологии и обозначающий неотъемлемое качество культурного объекта, приобретаемое им в результате признания за ним определенного набора устойчивых характеристик. — *Примеч. пер.*

¹⁸ Дихотомия — постепенное разделение целого на две части. — *Примеч. пер.*

Человеческий набор инстинктов колеблется от индивида к индивиду в кажущемся бесконечном разнообразии, варьируясь как в относительной силе нескольких инстинктивных склонностей, так и в схеме координации, коалесценции¹⁹ или интерференции²⁰, которая преобладает между ними. Это разнообразие врожденного характера заметно у всех народов, хотя некоторые народы низших культур демонстрируют заметное приближение к единообразию типа, как физического, так и духовного.

Такое разнообразие особенно заметно среди цивилизованных народов и, возможно, в особой степени среди народов Европы и ее колоний. Крайнее разнообразие характера, как физического, так и духовного, заметное в этих сообществах, по всей вероятности, объясняется тем, что они состоят из смеси расовых элементов. С точки зрения родословной все представители народов западной культуры являются гибридами, а еще большее число людей представляет собой смесь более чем двух расовых групп. Соответственно, пропорции, в которых несколько передаваемых признаков, составляющих расовый тип, входят в состав этих гибридных особей, будут бесконечно варьироваться. Поэтому число возможных перестановок будет чрезвычайно велико, так что конечный диапазон вариаций в гибридах, которые получаются в результате скрещивания этих различных расовых групп, будет достаточно велик, даже когда он будет исполняться в таких пределах, что оставит общий человеческий тип нетронутым. Время от времени вариация может даже выйти за эти пределы человеческой нормы и дать вариант, в котором относительный акцент на нескольких составляю-

¹⁹ Коалесценция — слияние частиц внутри подвижной среды или на поверхности тела. — *Примеч. пер.*

²⁰ Интерференция — явление, появляющееся при обучении, когда происходит взаимодействие между новым материалом и уже имеющимися воспоминаниями. — *Примеч. пер.*

щих инстинктивных элементах распределяется по схеме, настолько далекой от общечеловеческого типа, что выбивает его из общего ряда и маркирует как нездоровый ум, или как непригодный для целей группы, в которой он существует, или даже как непригодный для жизни в любом обществе.

Тем не менее даже в этих гибридных популяциях существует общечеловеческий тип духовной одаренности, преобладающий как общий средний уровень человеческой природы во всем мире и подходящий для продолжения жизни человека в обществе. Неблагоприятные отклонения от этого общечеловеческого и работоспособного типа духовной одаренности будут постоянно избирательно устраняться из расы, даже если эти отклонения возникают в результате гибридизма. То же самое будет происходить и в более радикальной форме в отношении любых вариантов, которые могут возникнуть в результате менделевской мутации.

Таким образом, многочисленные расовые типы, существующие в настоящее время, представляют собой только таких мутантов, которые находятся в пределах толерантности, налагаемой ситуацией, в которой возник и выжил данный мутировавший тип. Выживший тип мутанта обязательно более или менее соответствует обстоятельствам, в которых он появился и впервые обеспечил свое выживание, и, предположительно, он менее приспособлен к любой другой ситуации. Поэтому при изменении ситуации, например при миграции данной расы из одной среды обитания в другую, или при эквивалентном сдвиге роста культуры, или при изменении климата, требования выживания, скорее всего, изменятся. Действительно, изменения, которые могут произойти в текущих требованиях к выживанию, настолько серьезны, что любое расовое общество может уменьшиться и прийти в упадок только по той причине, что в связи с ростом его культуры оно стало ве-

сти образ жизни, значительно отличающийся от того, при котором его тип человека зародился и проявил способности к выживанию. Так, в смешении рас, составляющих население западных стран, конкурентная борьба за выживание, очевидно, всегда шла между несколькими расовыми группами, входящими в гибридную массу, с разным успехом, в зависимости от того, как меняющиеся культурные требования и возможности благоприятствовали то одному, то другому типу человека. Эти культурные условия выживания в расовой борьбе за существование менялись на протяжении веков, что имело серьезные последствия для истории жизни расы и ее культуры; и, возможно, в настоящее время они меняются более существенно и быстро, чем в любой другой исторический период. Например, постоянный биологический успех любого из этих обществ в европейской расовой смеси в течение небольшого периода времени переместился с боевой способности, и даже в некоторой степени с климатической приспособленности, на духовную пригодность к выживанию в условиях, налагаемых новой культурной ситуацией, системой институтов, которая неощутимо, но непрерывно изменяется²¹.

Эти непрекращающиеся изменения и адаптации, которые происходят в схеме институтов, правовых и обычных, непрерывно вызывают новые привычки работы и мышления в обществе, и таким образом они постоянно прививают новые принципы поведения. В результате один и тот же диапазон инстинктивных предрасположенностей, рожденных в популяции, будет работать с разным эффектом в отношении требований выживания расы. По всей видимости, в этой связи для селективного выжи-

²¹ Ср., например: *Ammon O. Die Gesellschaftsordnung und ihre Natürlichen Grundlagen.* Jena, 1900; *Vacher de Lapouge G. Les Sélections Sociales.* Paris, 1896; *Vacher de Lapouge G. Race et Milieu Social.* Paris, 1909, особенно *Les Lois fondamentales de l'Anthroposociologie.*

вания нескольких европейских расовых групп на первом месте стоят их относительная пригодность к удовлетворению материальных потребностей жизни, их экономическая пригодность к жизни в новых культурных ограничениях и с новой подготовкой, которую дает эта изменившаяся культурная ситуация. Но судьба западной цивилизации как культурной системы, помимо биологического выживания или успеха любого данного расового компонента в западных народах, также связана с жизнеспособностью европейского общества в условиях этих институциональных изменений и зависит от духовной пригодности унаследованной человеческой природы к успешному и долговечному продолжению измененного образа жизни, навязанного этим народам ростом их собственной культуры. Такие ограничения, налагаемые на культурный рост местными инстинктами, плохо приспособленными к цивилизованной жизни, достаточно заметны в нескольких направлениях и во всех христианских странах.

То, что нам известно о наследственности, говорит о стабильности различных расовых типов человека; так что в течение истории жизни любой расы, как утверждается, не следует искать никаких наследуемых модификаций ее типичного состава, будь то духовного или физического. Типичная человеческая одаренность инстинктами, так же как и типичный состав расы в физическом отношении, согласно этому современному взгляду, передается в неизменном виде от начала человечества, — то есть с той точки мутационного развития расы, которой считается уместным датировать зарождение человечества, — за исключением тех случаев, когда последующие мутации породили новые расовые группы, которым и через которые эта человеческая одаренность инстинктами была передана в уже измененной форме. С другой стороны, привычные элементы человеческой жизни меняются непрерыв-

но и кумулятивно²², что приводит к пролиферативному²³ росту институтов. Изменения в институциональной структуре постоянно происходят в ответ на измененный уклад жизни в меняющихся культурных условиях, но человеческая природа остается в целом неизменной.

Пути и средства, материальные и нематериальные, с помощью которых врожденные склонности реализуют свои цели, постоянно находятся в процессе преобразования, будучи обусловленными изменениями, кумулятивно происходящими в институциональной основе привычных элементов, которая управляет образом жизни. Но нет никаких оснований полагать, что каждое или любое из этих последовательных изменений в институтах предоставляет склонностям более удобные, надежные или легкие пути и средства для достижения своих целей либо что фаза привыкания, действующая в любой данный момент в этой последовательности изменений, более подходит для беспрепятственного функционирования этих склонностей, чем любая предыдущая фаза. Фактически, наоборот. Исходя из соображений селективного выживания, разумно предположить, что любой расовый тип, выдержавший испытание селективной элиминацией²⁴, включая совокупность инстинктивных предрасположенностей, благодаря которым он выдержал это испытание, при своем первом появлении был неплохо приспособлен к обстоятельствам, материальным и культурным, в которых возник как мутировавший и обеспечил свое выживание. И в той мере, в какой последующее развитие институтов изменило доступную сферу жизни и метод инстинктивного действия,

²² Кумулятивный — накопленный, совокупный; нарастающий. — *Примеч. пер.*

²³ Проллиферативный — разрастающийся путем деления. — *Примеч. пер.*

²⁴ Элиминация — процесс вымирания отдельных особей, групп особей или целых популяций. — *Примеч. пер.*

следует предположить, что любое последующее изменение в этих институтах будет в некоторой степени препятствовать или видоизменять свободную деятельность инстинктивных предрасположенностей и тем самым мешать прямой и незамысловатой работе таких предрасположенностей, свойственных данному расовому типу.

То, что известно о более ранних фазах культуры в истории жизни существующих рас и народов, говорит о том, что начальная фаза в жизни любого расового типа, фаза культуры, которая преобладала в его среде, когда он возник, и в условиях которой он впервые доказал свою способность к выживанию, предположительно, была какой-то формой дикости. Чем дальше последовательность институциональных изменений отходит от той формы дикости, которая ознаменовала начальный этап в истории жизни данного расового типа, тем менее надежными являются предположения о пригодности любого данного типа человека к жизни в том виде и в тех условиях, которые налагает любая более поздняя фаза в развитии культуры. Также, предположительно, хотя ни в коем случае не гарантированно, более молодые расы, те, что возникли в результате более поздних мутаций, первоначально попали в условия относительно развитой фазы дикости и обеспечили свое выживание, — поэтому эти более молодые расы должны с большей легкостью и лучшим эффектом соответствовать требованиям, налагаемым дальнейшим продвижением в том кумулятивном усложнении институтов и усовершенствовании путей и средств, которые вовлечены в культурный рост. Более древние или более примитивные расы, возникшие в результате более ранних мутаций типа и обеспечившие свое выживание в рамках элементарной культуры дикарей, предположительно, менее способны к адаптации в развитой культуре.

Но в то же время на тех же основаниях следует ожидать, что во всех расах и народах всегда должна сохра-

няться неистребимая сентиментальная склонность вернуться к чему-то вроде той схемы дикости, к которой их конкретный тип человеческой природы когда-то доказал свою пригодность на начальном этапе своей жизненной истории. Похоже, именно это обычно подразумевается в лозунге «Назад к природе!» Более древние известные расы, потомство более ранних мутационных отклонений от первоначального человеческого типа, были селективно адаптированы к более архаичным формам дикости, и они демонстрируют заметно бóльшую склонность к элементарному дикарскому образу жизни, а также соответствуют требованиям и возможностям «высшей» цивилизации лишь с относительно небольшими способностями, в крайних случаях доходящими до практической непригодности. Отсюда «бремя белого человека» и многочисленные недоумения миссионеров.

В рамках менделевских теорий наследственности требуется некоторое уточнение этих широких обобщений. Как уже отмечалось выше, народы Европы, каждый в отдельности, являются гибридными смесями, состоящими из нескольких расовых групп. То же самое в той или иной степени относится к большинству народов за пределами Европы, особенно к более многочисленным и известным национальностям. Эти различные народы демонстрируют более или менее отчетливые и узнаваемые национальные типы телосложения — или, скорее, физиогномические²⁵ типы — и темперамента, и линии дифференциации между этими национальными типами беспрестанно пересекают линии, разделяющие расовые характеристики. В то же время эти национальные типы обладают определенной степенью постоянства; настолько, что в разговорной речи

²⁵ Физиогномика — метод определения типа личности человека, его душевных качеств и состояния здоровья, исходя из анализа внешних черт лица и его выражения. — *Примеч. пер.*

о них говорят как о типах расы. Хотя ни один современный антрополог не станет путать национальность с расой, не следует упускать из виду, что эти национальные гибридные типы часто настолько выражены и характерны, что имитируют расовые признаки и ставят в тупик исследователя расы, стремящегося определить расовый набор характеристик, из которого была создана каждая из этих гибридных популяций. Предположительно, эти национальные и местные типы физиогномики и темперамента должны быть оценены как гибридные типы, которые были закреплены путем селекции, и для объяснения этого явления следует обратиться к современным теориям наследственности.

Для любого специалиста, знакомого с более простыми явлениями гибридизма, будет очевидно, что при менделевских правилах гибридизации биологически успешные — жизнеспособные — гибридные формы, возникающие при любом скрещивании двух или более форм, могут очень сильно отличаться друг от друга и от любого из родительских типов. Вариация должна быть экстремальной как по числу созданных таким образом гибридных типов, так и по диапазону, на который распространяется эта вариация, — намного большему в обоих отношениях, чем диапазон флуктуирующих (нетипичных) вариаций, достижимых при любых обстоятельствах в чистокровной расе, особенно в отдаленных поколениях. Экспериментально также хорошо известно, что среди таких гибридных форм путем селекционного разведения можно создать составной тип, который будет размножаться истинно в отношении признаков, на которые направлен отбор, и что такая «чистопородность» может поддерживаться бесконечно долго, несмотря на ее гибридное происхождение, до тех пор, пока она не будет скрещена с одной или другой родительской породой или с гибридной породой, которая не является чистокровной в отношении выбранных признаков.

Итак, если условия жизни в каком-либо сообществе постоянно благоприятствуют данному типу гибрида, независимо от того, являются ли эти благоприятные условия культурными или материальными, в таком сообществе возникнет нечто вроде селективной тенденции, направленной на создание гибридного типа, который будет соответствовать этим условиям. В результате будет создана комплексная, сложная чистопородность, демонстрирующая преимущественные черты телосложения и темперамента в сочетании с варьирующимся набором других признаков, не имеющих такого селективного значения. Признаки, которые не имеют селективного значения в данном случае, будут встречаться в случайном порядке, сочетаясь в неограниченном разнообразии с селективно решающими, и таким образом будут отмечены гибридные производные этой предварительно созданной комплексной чистопородности. При постоянном скрещивании внутри себя любая популяция такого гибридного происхождения, как европейские народы, будет иметь тенденцию размножаться в соответствии с таким селективно благоприятным гибридным типом, а не с любым из конечных расовых типов, представленных родительскими популяциями, из которых в конечном итоге состоит гибридная популяция. Так возникнет национальный или местный тип, который будет проявлять селективно решающие признаки с большой степенью постоянства, но будет неограниченно варьироваться в отношении селективно незадействованных признаков, включенных в наследственность популяции. Такая комплексная чистопородность будет только условно стабильной; она должна разрушиться при обратном скрещивании с любой из родительских пород. Эта «временно стабильная комплексная чистопородность» должна исчезнуть при скрещивании с чистокровными особями одной или другой родительской породы, из которой она взята, — чистокровными в отно-

шении аллеломорфных²⁶ признаков, которые придают гибриднему типу его типичные черты.

Но какой бы степенью стабильности ни обладали эти гибридные национальные или локальные типы, результат для данной цели остается тем же самым; гибридные популяции дают больший объем и диапазон вариаций в их человеческой природе, чем можно было бы получить в пределах любой чистопородной расы. И все же, при всем многообразии расовых и национальных типов, ранних и поздних, и при всей широкой дивергенции²⁷ гибридных вариантов, нет никаких трудностей в признании общего человеческого типа духовной одаренности, так же как зоологам не составляет труда отнести различные расы человечества к одному виду на основании их физических характеристик. Распределение акцентов между несколькими инстинктивными склонностями может значительно отличаться у разных рас, но в конечном итоге набор инстинктов, присущих нескольким расам, имеет практически одинаковый характер и преследует практически одни и те же цели. Расовые различия человеческой природы, взятые просто в их первом проявлении, обычно незначительны; но небольшая погрешность, характерная для любой расы, может иметь решающее значение, когда она проявляется в совокупности через систему институтов, ибо такая система воплощает в себе развитие бесчисленных поколений, в течение жизни которых в обществе преобладали одна и та же склонность или уклон от типичности²⁸.

²⁶ Аллеломорфные — наследственные взаимоисключающие друг друга. — *Примеч. пер.*

²⁷ Дивергенция — расхождение признаков и свойств у первоначально близких групп организмов в ходе эволюции. — *Примеч. пер.*

²⁸ Всепроницающий современный институт частной собственности, по-видимому, имеет именно такое происхождение, он вырос из эгоистической предвзятости людей в их надзоре за материальными интересами общества.

Расовые различия в отношении этих наследственных духовных черт имеют большое значение для результата, потому что в конечном итоге любая раса находится во власти своих инстинктов. В ходе культурного роста большинство цивилизаций или народов, имеющих долгую историю, время от времени оказывались перед императивом пересмотреть свою систему институтов в свете своих исконных инстинктов под страхом краха или упадка; и они по-разному, в большинстве случаев вслепую, выбирали жить или не жить в соответствии с инстинктивными предрассудками. В тех случаях, когда инстинкты, непосредственно влияющие на материальное благополучие общества, такие как родительский инстинкт и чувство мастерства, присутствовали в такой сильной степени либо когда институциональные элементы, противоречащие постоянным жизненным интересам общества или цивилизации, находились в достаточно слабом состоянии, узы обычаев, предписаний, принципов, прецедентов были разорваны или ослаблены либо сдвинуты так, чтобы позволить течению жизни и культурному росту продолжаться, с существенным замедлением или без него. Но история фиксирует более частые и более впечатляющие случаи торжества имбецильных институтов над жизнью и культурой, чем народы, которые силой инстинктивной пронизательности спасли себя из отчаянно шаткой институциональной ситуации, например, как это происходит сейчас с народами христианства.

Главным среди тех инстинктивных предрасположенностей, которые непосредственно способствуют материальному благополучию расы, а значит, и ее биологическому успеху, является, пожалуй, инстинктивный предрассудок (уклон), о котором здесь говорится как о чувстве мастерства. Единственным другим инстинктивным фактором человеческой природы, который мог бы с некоторой вероятностью оспо-

рять это первенство, является родительский инстинкт. Действительно, у этих двух факторов много общего. Они направлены на достижение одних и тех же конкретных целей, и взаимное содействие одного другому настолько широко и тесно, что зачастую провести между ними границу крайне сложно. Поэтому любое обсуждение одного из них неизбежно в большей или меньшей степени влечет за собой обсуждение другого и характеристика одного из них предполагает определенное рассмотрение другого.

В том смысле, в каком мы понимаем это выражение, «родительский инстинкт» — инстинктивная предрасположенность гораздо большего масштаба, чем просто склонность к поощрению достижений детей²⁹. Последнее, несомненно, следует рассматривать как важный и, возможно, основной элемент в практической работе родительской заботы; хотя даже в этом случае его категорически нельзя путать с квазитропизматическим импульсом к воспроизведению потомства. Родительская забота в человеке имеет гораздо более широкое значение, чем просто забота о собственных детях. Это более широкое проявление особенно очевидно в тех низших культурах, где схема кровного родства и наследования не построена на таких же тесных семейных линиях, как у цивилизованных народов, но его также можно наблюдать в любой цивилизованной общине. Поэтому то, что фразеры называют «расовым самоубийством», встречает инстинктивное и незаслуженное осуждение у всех людей, даже тех, кто не смог бы внести свой личный вклад в будущее поколение. Также практически все вдумчивые люди — то есть все, кто придерживается собственного мнения в этих вопросах, — согласятся с тем, что нынешнее поколение намеренно усложняет жизнь следующего, будь то пренебрежение должным обеспечением средствами к существованию и надлежащим

²⁹ Ср.: McDougall W. Introduction to Social Psychology. Ch. X.

обучением или растрата доставшихся этому поколению ресурсов и возможностей из-за непродуманной жадности и лени. Предусмотрительность является добродетелью только в том случае, если ее цель — обеспечение потомков.

Трудно или невозможно сказать, в какой степени нынешняя забота о благополучии всего рода связана с родительским инстинктом, но не вызывает сомнения, что эта инстинктивная предрасположенность играет большую роль в сентиментальной озабоченности, которую испытывают почти все люди, о жизни и комфорте общества в целом, и особенно о его будущем благополучии. Несомненно, этот родительский инстинкт в своем широком значении значительно усиливает то одобрение экономии и эффективности для общего блага и неодобрение расточительного и бесполезного образа жизни, которое так широко распространено как в высших, так и в низших культурах, если только не сказать, что неприязнь к экономии и эффективности является простым выражением самого родительского инстинкта. С другой стороны, можно утверждать, что такое стремление к экономии является важной функцией инстинкта мастерства, который в этом случае будет сильно поддерживаться родительской заботой об общем благе.

Используя выражение «инстинкт мастерства» или «чувство мастерства», мы здесь не предполагаем и не утверждаем, что склонность, обозначенная таким образом, является в психологическом отношении простым или безусловным элементом. Тем более, конечно, у нас нет намерения утверждать, что эта склонность должна быть прослежена в физиологическом отношении до какой-то одной изолированной тропизматической чувствительности или какого-то одного энзиматического³⁰ или висцераль-

³⁰ Ферментного. — *Примеч. пер.*

ного стимула. Все это является предметом внимания тех, кого это может касаться. С таким же успехом можно считать, что это выражение означает совпадение нескольких инстинктивных склонностей, каждая из которых может оказаться простой или безусловной, если подвергнуть ее психологическому или физиологическому анализу. Для настоящего исследования достаточно отметить, что в человеческом поведении эта предрасположенность проявляется настолько последовательно, повсеместно и устойчиво, что изучающим человеческую культуру придется считаться с ней как с одной из неотъемлемых наследственных черт человечества³¹.

³¹ В последнее время вопрос об инстинктах стал предметом довольно широкого обсуждения среди специалистов, изучающих поведение животных, и на протяжении всего этого обсуждения аргументация обычно велась на неврологической или в крайнем случае на физиологической основе. Эта линия аргументации хорошо и доходчиво представлена в недавно опубликованном томе «Наука о человеческом поведении» (Нью-Йорк, 1913) г-на Мориса Пармали. В книге предлагается острая критическая дискуссия о природе инстинкта (гл. XI) с конкретной ссылкой на инстинкт мастерства (с. 252). Обсуждение ведется на неврологической почве, достоверно и компетентно, и достигает результата, которого следует ожидать при попытке свести инстинкт к неврологическим (или физиологическим) терминам. Как обычно бывает в подобных попытках, результат, по сути, отрицательный, поскольку «инстинкт» не столько объясняется, сколько отбрасывается. Причина такого результата достаточно очевидна: «инстинкт», не являясь неврологическим или физиологическим понятием, не может быть сформулирован в неврологических или физиологических терминах. Инстинкт мастерства, как и любая другая инстинктивная склонность, является изолируемой, дискретной нейронной функцией, что, однако, не затрагивает вопроса о его статусе как психологического элемента. Эффект такого анализа, как предлагает г-н Пармали, заключается не в том, чтобы придать терминологическую точность понятию «инстинкт» в том смысле, который ему придается в современном употреблении, а в том, чтобы обойтись без него; это является нежелательным шагом, поскольку лишает специалиста

Как уже выяснилось, ни эта, ни какая-либо другая инстинктивная диспозиция не вырабатывает свое функциональное содержание в отрыве от инстинктивной одаренности в целом. Инстинкты, все и каждый в отдельности, хотя, возможно, в разной степени, настолько тесно вовлечены в отношения «давать — брать», что работа любого из них имеет последствия для всех остальных, хотя, вероятно, не для всех в равной степени. Именно это бесконечное³² усложнение и «загрязнение» инстинктивных элементов в человеческом поведении, в сочетании со всепроникающим и кумулятивным эффектом привычки, создает большую часть трудностей и интерес к этому исследованию.

Мало найдется линий инстинктивной склонности, которые не пересекались бы и не изменялись бы каким-нибудь ответвлением инстинкта мастерства. Несомненно, ответ на такие прямые полутропизматические, полуинстинктивные импульсы, как голод, гнев или сексуальное желание, мало, если вообще связан с каким-либо отголоском мастерства; но в более сложных и целенаправленных действиях, особенно там, где привычка оказывает заметное влияние, импульс и чувство мастерства совместно вносят большую долю в результат. Настолько, что, напри-

возможности свободно использовать этот знакомый термин в его привычном смысле и, следовательно, вынуждает его снова скрытно вводить необходимое понятие инстинкта под прикрытием какого-то незнакомого термина или какого-то терминологического иносказания. Современный механистический анализ поведения животных имеет большую и несомненную ценность для любого исследования человеческого поведения, но эта ценность не заключается в попытке заставить его вытеснить те психологические явления, которые он призван объяснить. То, что такое вытеснение психологических феноменов механистическими формулировками не следует и не должно следовать, видно, например, из такой работы, как упомянутая выше: *Loeb J. Comparative Physiology...*

³² Бесконечное в том смысле, что эффекты такого стечения не ведут к заключительному этапу в любом направлении.

мер, в искусстве, где главным движущим фактором является чувство прекрасного, привычное внимание к технике и методу часто отодвигает первоначальный и лишь кажущийся мотив на задний план. Так и в религиозной жизни, связанной с верой и соблюдением обрядов. Время от времени может случиться так, что теологические тонкости и разработка ритуалов успешно и в значительной степени удовлетворительно заменят собой духовное общение; а в сфере правосудия упорное следование юридическим формальностям нередко приведет к устранению самих целей правосудия.

В том смысле, как мы трактуем здесь это выражение, все инстинктивные действия в какой-то степени разумны. Хотя степень, в которой задействован интеллект, может сильно варьироваться от одной инстинктивной предрасположенности к другой, и это может даже принять чрезвычайно автоматическую форму в случае некоторых из более простых инстинктов, функциональное содержание которых носит явно физиологический характер. Такой подход к автоматизму еще более очевиден у некоторых низших животных, где, как, например, в случае некоторых насекомых, реакция на соответствующие стимулы настолько однородна и механически детерминирована, что вызывает сомнение, не может ли поведение животного быть истолковано просто как тропизматическое действие³³. Такая тропизматическая прямота инстинktiv-

³³ Многие исследователи поведения животных все еще, как когда-то психологи, склонны противопоставлять инстинкт интеллекту и ограничивать этот термин таким автоматически детерминированным действием, которое происходит без обдумывания или разумного контроля. Такая точка зрения представляется пережитком более ранней теоретической позиции, согласно которой все функции интеллекта относились к отдельной нематериальной сущности, энтелехии, связанной в симбиозе с физическим организмом. Если отказаться от всех подобных представлений о су-

ной реакции менее характерна для человека даже в случае более простых инстинктивных склонностей; и уклончивость, которая характеризует инстинктивное действие в целом и высшие инстинкты человека в частности и которая отличает инстинктивные склонности от тропизмов, является уклончивостью интеллекта. Это в большей степени проявляется в реализации одних склонностей, чем других; но все инстинктивные действия в какой-то степени разумны. Это то, что отличает такие действия от тропизмов и выводит их из категории автоматизма³⁴.

Следовательно, все инстинктивные действия телеологичны. Это предполагает стремление к определенной цели. Оно направлено на достижение какой-либо цели и включает в себя определенную степень интеллектуальных способностей для достижения инстинктивно заданной цели под наблюдением побуждающей к действию инстинктивной склонности. И именно в этом наблюдении и направлении интеллектуальных процессов к назначенной цели инстинктивные склонности контролируют и обуславливают человеческое поведение; несколько инстинктивных склонностей могут вступать в конфликт и смещать друг друга или согласовываться и укреплять действия друг друга.

щественной дихотомии между физиологической и психологической активностью, то станет само собой разумеющимся, что сами интеллектуальные функции осуществляются только по инициативе инстинктивных склонностей и под их контролем, и, следовательно, антитеза между инстинктом и интеллектом отпадет. К каким терминологическим и дискриминационным приемам можно прибегнуть при изучении тех животных инстинктов, которые включают в себя минимум интеллекта, — это, конечно, вопрос для сравнительных психологов. Ср.: *Lloyd Morgan C. Introduction to Comparative Psychology*. 2nd edn. London, 1906. Ch. XII. P. 206–209; *Lloyd Morgan C. Habit and Instinct*. London, 1896. Ch. I, VI.

³⁴ Ср.: *Jennings H.S. Behavior of the Lower Animals*. New York, 1906. Ch. XII, XX, XXI.

Положение инстинкта мастерства в этом комплексе телеологических действий несколько своеобразно, поскольку его функциональным содержанием является способность служить целям жизни, какими бы эти цели ни были. В то время как эти цели, которым нужно подчиняться, по крайней мере в основном, назначаются и оправдываются различными другими инстинктивными наклонностями. Так что этот инстинкт можно в некотором смысле назвать вспомогательным по отношению ко всем остальным, поскольку он связан с путями и средствами жизни, а не с какой-то одной заданной скрытой целью. По сути, это связано с ближайшими, а не со скрытыми целями. Тем не менее мастерство само по себе является объектом внимания и чувств. Эффективное использование имеющихся средств и адекватное управление ресурсами, доступными для жизненных целей, сами по себе являются целью усилий, а достижения такого рода являются источником удовлетворения.

Все инстинктивные действия разумны и телеологичны. Совокупность инстинктивных склонностей побуждает к прямому и недвусмысленному достижению их конкретных целей, и в своих действиях под их непосредственным руководством индивид идет настолько прямо, насколько это возможно, к искомой цели, он занят объективной целью, а не выбором средств для ее достижения; тогда как при импульсе мастерства интерес и усилия индивида связаны с разработкой путей и средств достижения желаемой цели.

Вопрос может быть незнакомым, поэтому следующий пример достаточно уместен. Итак, в инстинкте драчливости и сопутствующем ему чувстве гнева³⁵ первичным импульсом, несомненно, является прямая лобовая атака, нападение и избиение в чистом виде. Чем сильнее индивид заряжен боевым импульсом и чем выше уровень одуше-

³⁵ См.: *McDougall W. Introduction to Social Psychology. Ch. III, X.*

ления, до которого он доведен, тем он менее склонен или способен думать о том, как он может умело использовать механические устройства для воздействия на объект своих чувств и достичь своей цели с наибольшим результатом на единицу затраченной силы. Хорошо обученный боец, не задумываясь, воспользуется рабочими способами и средствами в такой ситуации; но в случае крайнего раздражения и срочности даже такой боец, как говорят, может забыть о своем мастерстве и броситься в гущу событий вместо того, чтобы прибегнуть к обходным маневрам и рычагам, к которым его приучила профессиональная подготовка в искусстве ведения боя. Итак, опять же, родительский инстинкт побуждает к прямому личному вмешательству и служению в интересах объекта заботы. У людей, высокоодаренных в этом отношении, проявляется побуждение помогать беспомощным своими собственными руками, делать для них от своего имени не то, что при размышлении может показаться наиболее целесообразной линией поведения, а то, что наиболее лично побудит индивида действовать в данной ситуации. Общеизвестно, что легче подтолкнуть благонамеренных людей к бездумной благотворительности по немедленному и конкретному призыву, чем обеспечить разумное, хорошо выдержанное и организованное взаимодействие усилий по улучшению участи несчастных. Действительно, тонкости расчета причин и следствий в таком случае инстинктивно ощущаются как не соответствующие сути дела. Они неприятны; они не являются неотъемлемой частью функционального содержания великодушного импульса, а чрезмерное внедрение этих элементов мастерства в дело может даже вызвать отвращение к чувствам и разрушить его собственное намерение.

Инстинкт мастерства, с другой стороны, привлекает интерес к практическим приемам, путям и средствам, устройствам и приспособлениям, обеспечивающим эф-

эффективность и экономию, а также к умениям, творческой работе и технологическому овладению фактами. Большая часть функционального содержания инстинкта мастерства — это склонность к трудолюбию. Наилучший или наиболее законченный результат этого инстинкта достигается не при сильном стрессе или крайней необходимости со стороны какой-либо из инстинктивных склонностей, с которыми связана работа или чьим целям она служит. Это проявляется в лучшем виде, как в технологической эффективности отдельного мастера, так и в росте технологического мастерства и проницательности в обществе в целом, в условиях умеренной необходимости, когда есть работа под рукой и ее больше в поле зрения, поскольку изначально это инстинкт действовать последовательно и так эффективно, как только возможно. Надо иметь в виду, что, когда интерес чрезмерно падает из-за неудачи (вызванной провокацией со стороны инстинктивных предрасположенностей, обеспечивающих цель, ради которой нужно работать), стимул к мастерству, скорее всего, пропадет и результатом будут бесконечная фабрикация бессмысленных деталей и много шума из ничего. С другой стороны, в периоды сильного стресса, когда призыв к какой-либо одной или нескольким инстинктивным линиям поведения является неотложным сверх всякой меры, это, вероятно, приведет к непродуманности техники и потере навыков и технологического мастерства.

Далее, уместно отметить в этой связи, что инстинкт мастерства обычно не приводит к страстным излишествам. Под давлением обстоятельств он не удерживает свое место в качестве основного интереса в конкуренции с другими, более элементарными инстинктивными склонностями. Он, скорее, несколько легко уступает место, подвергается подавлению и впадает в бездействие только для того, чтобы вновь заявить о себе, когда ослабевает давление других, неотложных интересов. То, что было сказано

выше относительно первостепенного значения инстинкта мастерства для жизни расы, конечно, не изменится от такого признания его характерной умеренной настойчивости. Серьезное значение, которое ему придается, связано с его повсеместным подчинением целям жизни, а не с его остротой.

Чувство мастерства также подвержено особым предрассудкам. Оно обычно не работает на независимую, творческую цель, а скорее связано с путями и средствами, с помощью которых инстинктивно заданные цели должны быть достигнуты. Поэтому, если в жизни общества или в повседневных интересах индивида преобладает тот или иной инстинкт, привычная тенденция чувства мастерства будет склоняться к той или иной черте умения и технического мастерства. В результате кумулятивного привыкания предрассудок такого характера может иметь весьма существенные последствия для диапазона и объема технических знаний, структуры промышленного искусства, а также для темпов и направления роста трудовых идеалов.

Изменения происходят постоянно и непрерывно в институтах, в привычной схеме правил и принципов, регулирующих жизнь сообщества, и не в последнюю очередь в технических способах и средствах, с помощью которых поддерживаются жизнь расы и ее культурное состояние. Но изменения происходят редко — фактически вообще не происходят — в наделении инстинктами, благодаря которым человечество способно использовать эти средства и жить в условиях институтов, создающих в совокупности его привычки жизни. В случае гибридных популяций (таких как народы христианского мира) можно рассчитывать на некоторую заметную адаптацию этого духовного дара к изменяющимся требованиям цивилизации путем создания комплексных чистокровных типов, более близких к более поздним фазам культуры, чем любой из исходных

расовых типов, из которых состоит гибридная популяция. Но в таком медленно размножающемся виде, как человек, и с изменениями в условиях жизни, происходящими с заметной скоростью, шанс адекватной адаптации гибридной человеческой природы к новым условиям кажется в лучшем случае сомнительным. Следует также отметить, что неопределенный характер многих человеческих инстинктов дает ощутимый запас адаптации, в пределах которого человеческая природа может приспособиться к новым условиям жизни. Но после всего сказанного остается верным то, что пределы, в которых инстинктивная природа расы может быть эффективно адаптирована к изменяющимся обстоятельствам, относительно узки — узки, по сравнению с диапазоном вариаций в институтах, — а пределы такой адаптации несколько жестки. По существу, раса должна соответствовать изменяющимся условиям жизни, к которым ее относительно неизменные инстинкты, предположительно, не полностью приспособлены, и соответствовать этим условиям, используя технические способы и средства, значительно отличающиеся от тех, которые были в распоряжении расы с самого начала. На начальных этапах жизненной истории расы или любого расового вида требования, которым их духовная (инстинктивная) природа должна была избирательно соответствовать, были требованиями культуры дикарей, как было указано выше, — предположительно, во всех случаях «низкой» или элементарной формы дикости. Этот дикарский образ жизни, который был и остается в некотором смысле исконным для человека, характеризовался бы значительной групповой солидарностью внутри относительно небольшой группы, живущей на своей территории и постоянно зависящей в своей повседневной жизни от работоспособности всех членов группы. Главным условием выживания в этих обстоятельствах была бы склонность к бескорыстному и безличному использованию имеющих-

ся под рукой материальных средств, а также склонность к использованию всех ресурсов знаний и материалов для поддержания жизни группы.

Поэтому в самом начале, когда эта склонность впервые появляется в истории жизни одного или всех расовых видов, которыми занимаются современные исследователи, она будет непосредственно влиять на эффективность работы в простом и очевидном смысле этого слова. Это будет происходить в силу стабильности расового типа, таков его характер, не считая его усложнения привычками и традициями. Инстинкт мастерства перевел жизнь человечества с животного на человеческий уровень, и во всем последующем росте культуры он никогда не переставал пронизывать работу человека. Но обширное усложнение обстоятельств и изменение мировоззрения последующих поколений, вызванное ростом институтов и накоплением знаний, привели к расширению сферы действия этого инстинкта, его канонов и логики на деятельность и конъюнктуру, которые имеют слабо прослеживаемое отношение к средствам существования.

СЕРИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»
основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: <id.hse.ru/books/series/25279647/>

Научное издание

Торстейн Веблен

ИНСТИНКТ МАСТЕРСТВА И СТРУКТУРА ПРОМЫШЛЕННОГО ИСКУССТВА

Зав. книжной редакцией Елена Бережнова

Редактор Константин Залесский

Верстка: Наталья Пузанова

Корректор Ольга Кириллова

Дизайн обложек серии: ABCdesign

ПОЛИНА ЛАУФЕР

Макет обложки: ABCdesign

ВАЛЕРИЯ ВЕЛИКОДНАЯ

Дизайн блока серии: СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

На обложке — крупный план рабочих пчел на ячейках с медом. Фотограф
Duckin (<https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Yellow-honeycomb-bees.jpg>)

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297

bookmarket@hse.ru

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Формат 60×90/16

Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 15,5. Печать офсетная

Тираж 1000 экз. Изд. № 2737. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

Тел.: +7 8352 56-00-23